

Что в Чите яснее и виднее?
 Это юность, это всегда светла.
 На земле, где сердце леденеет,
 Губ дыхание, — краешек тепла!

На снимке Александра Каслова
 первокурсница Читинского училища культуры
 Светлана Сенотрусова.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ЧИТА

литературная

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

№ 6

Декабрь 1996 г.

ПОМОГИ ТАЛАНТУ, БЕЗДАРНОСТЬ ПРОБЬЕТСЯ САМА

Верно: талант по своей природе непрактичен, не умеет быть пробойным, изворотливым, коммерчески-выгодным. Поэтому, во все времена поэтов и художников, артистов и композиторов поддерживали состоятельные люди — патриции и триумфаторы Рима, короли и лорды Средневековья, банкиры и промышленники нового времени. В XX веке развилась система благотворительных обществ, комитетов, фондов, ассоциаций, которые издают книги, устраивают выставки и вернисажи, спектакли и концерты.

Большую помощь художественной интеллигенции в СССР оказывало государство через министерство культуры, творческие союзы, систему социального заказа, обучения молодежи, поощрения мастеров и т.д. Правда, интеллигенция расплачивалась за это своей свободой, на-

силием над умом и душой, служением идеологическим истуканам.

В новой России государство отказалось от тотального контроля над творческой мыслью и деятельностью интеллигенции, и во многом — от любых форм поддержки и поощрения. Что же делать и как быть мастерам культуры в этой ситуации? Художественное творчество и саму жизнь талантливой личности не закрыть, как не рентабельную шахту. Они — в природе человека и общества.

Большие надежды многие из нас стали связывать не с общегосударственной, так сказать, «московской политикой», а с местной потребностью в культуре и творчестве — во многих областях и краях России местная власть нашла очень интересные формы поддержки творчески одаренных людей. Но и здесь оказалось не все ладно — вперед опять-таки вышли люди пробивные, умеющие приспособ-

ситься, польстить, обворожить, стать нужным в нужном месте.

Чтобы разрешить такую ситуацию в Читинской области по инициативе Р.Ф. Гениатулина решено создать Совет по культуре, искусству и издательской деятельности при Главе областной администрации. В Совет войдут наиболее авторитетные мастера, которые и будут обсуждать, анализировать, информировать власть о социокультурной ситуации, выступать независимыми экспертами и советниками при принятии решений, касающихся культуры, искусства, издательской деятельности — как стратегических, так и оперативных, тактических.

Это — может быть и будет наиболее действенным инструментом для воплощения лозунга:

— Друзья, давайте поможем талантам!

Обозреватель «ЧП».

КРАСНАЯ СТРОКА

По отцу и матери — бурят.
 По языку — русский.
 По национальности — забайкалец.
 Автор книг стихов и многочисленных публикаций в прессе.
 Живет в селе Новая Заря Ононского района.

КОЧЕВНИК

Стану нервным, исхудавшим,
 бледным,
 Городу голодному под стать...
 Только ложь, что буду я оседлым,
 Что меня здесь можно оседлать!
 Выброшу подальше свои беды,
 В душных стенах стонет голова!
 Плещевет сердце домоседа,
 И ветшают мысли и слова...
 Где мои кочевники-собратья,
 Я устал от жизни городской...
 Захлебнусь от ветра или счастья,
 Человек я тоже кочевой!
 Грязный город в черном чаде тает,
 Рыщет рынок рылом — не пройти.
 Клетки нервов — нет, не умирают,

Виктор Бангоржиев

Клетки обновляются в пути!
 Выброшу подальше свои беды,
 Новые придумаю слова!
 Крепкий чай... Протяжная беседа,
 Солнце, ветер, воздух и трава...
 И увижу в сумерках вечерних,
 В пламени закатного огня,
 Промелькнет вдруг предок мой,

На гнедом, приветствуя меня!

Ты мог писать бы и на польском,
 И на английском мог слагать.

Попробуй, русский,
 на монгольском,
 Как я на русском, написать?
 И в этом нет большой науки —
 Но божья тайна на устах,
 Когда одни и те же звуки
 Звучат на разных языках!
 И будь знаком ты с языками
 Народов разных и племен —
 Тебя с твоими письменами
 Расстопчет тот же Вавилон!
 Но тайны звуков все едины,
 Слагай, не важно на каком,
 И как Цветаева Марина
 Не обольщайся языком:
 "Родным его призывом млечным"
 В разноязычной суеде.
 Под этим небом бесконечным
 Душа слагает в немоте...

СОВРЕМЕННОСТИ

Ветер тронул верхушки
 деревьев высоких
 И затих...
 Между тем миновали века.
 И, не вскрикнув, ушли поколения
 в сроки;
 Но все так же спокойно
 плывут облака.
 Каждый жил,
 будто самое важное что-то
 Совершит при нем
 и умрет вместе с ним.
 Современники в Трое
 открыли ворота,
 Нам Гомер современник —
 немой и слепой!..
 Чингисхан жил вчера,
 Ганнибал чуть позднее,
 Современники —
 Канны и Калка-река!
 Ветер тронул верхушки
 высоких деревьев
 И затих...
 Между тем — миновали века...

В НОМЕРЕ:

Марк Сергеев

Нужно было пешком пройти 16 километров до станции Хадабулак, потом доехать до Читы, там пересечь на сквозной, идущий через Иркутск поезд.

Елена Уманцова

Приморские художники открыли для себя остров Шикотан, иркутяне обожают седой Байкал, а наши читинские художники нашли свое вдохновение на Севере.

Александр Конохов

Поприехали, призадумались хозяева. Если взять самолеты, они когда-то действительно поразили сельчан, некоторых до одури. Но теперь-то кого ими удивишь. Что собака во дворе, что самолет в небе.

Олег Дунов

— Зачем я тебя сманил? — сокрушался Николай. — Чтобы жить в городе — надо пальцы откусывать, которыми тебе на дверь указывают: выйди, мол, не пыли. А нервы должны быть — буксирный трос.

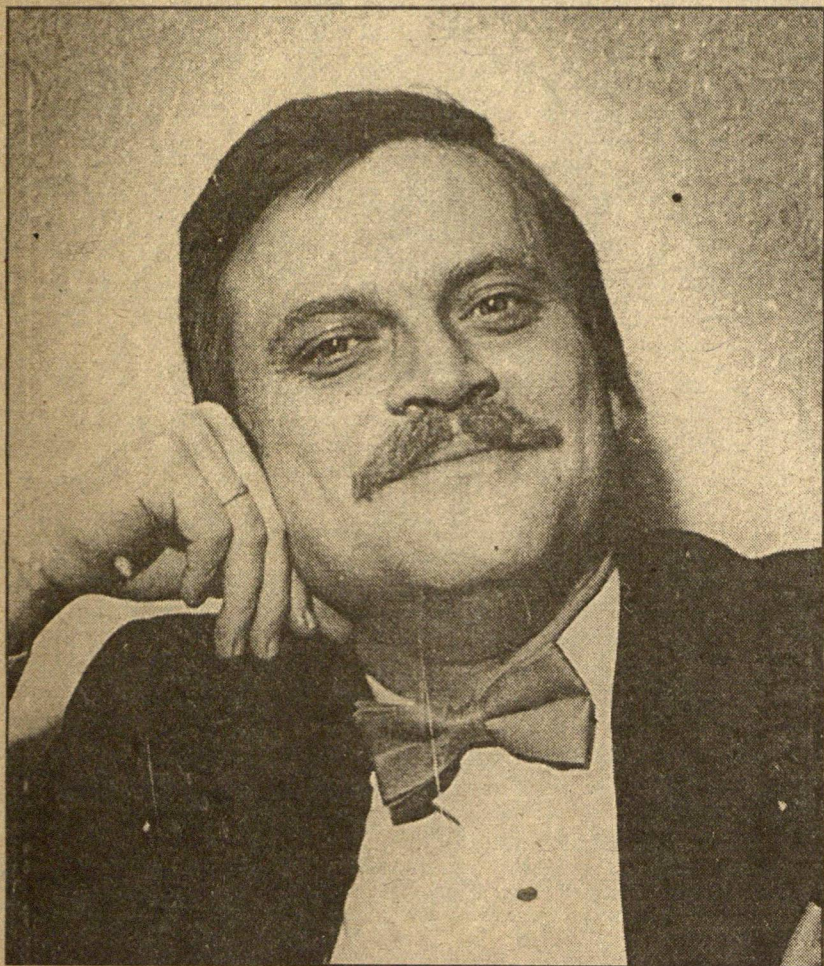
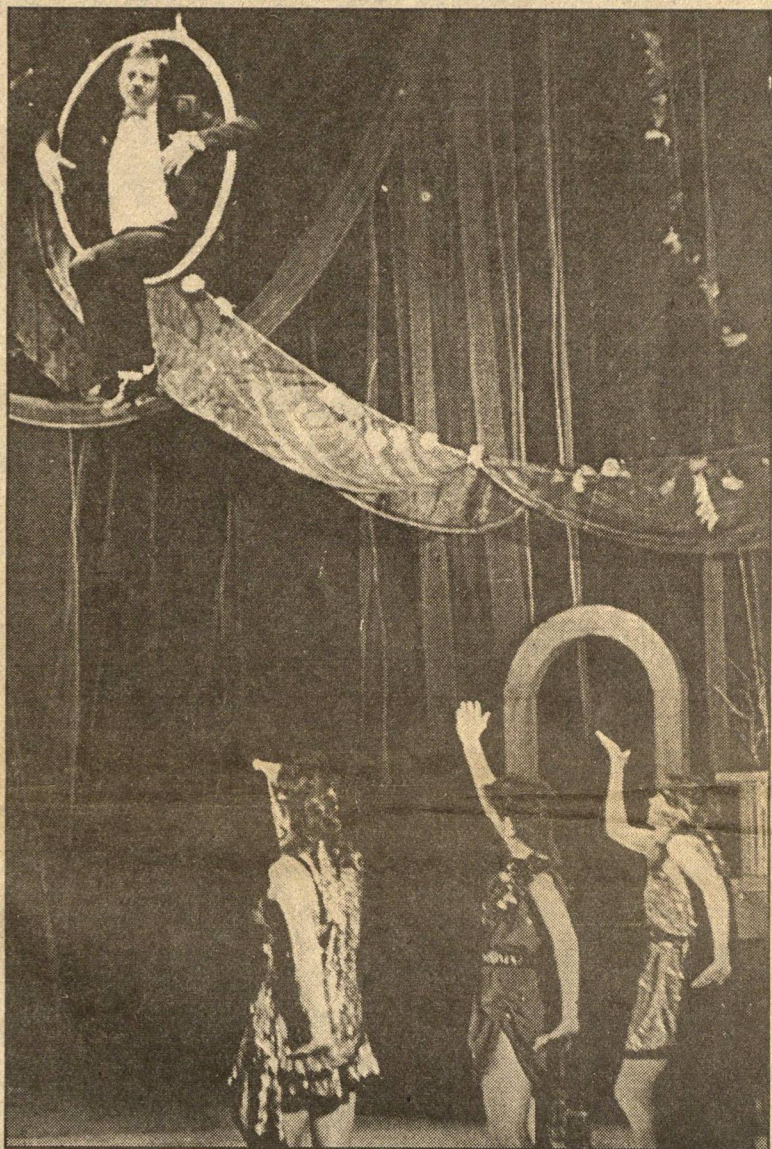
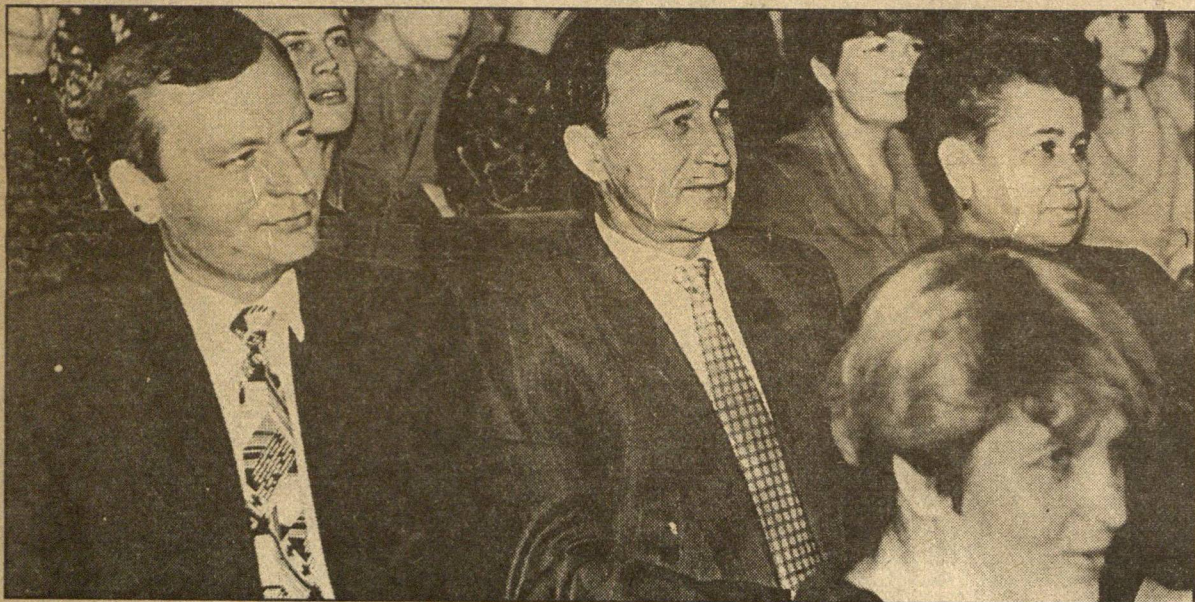
Александр Федотов

Я частенько бываю в его квартире-мастерской и для меня каждое творческое начинание художника — не новость.

(Виктор Мухин.)

БЕНЕФИС-96

КОЛЯ,
КОЛЯ,
НИКОЛАША!..Фоторабота
Александра Каслова

Телефонный звонок раздался на рассвете. Так рано отца никто не беспокоил. Тревожно забило сердечко. В трубке прерывающийся от волнения голос директора цирка: "Леня, несчастье, у нас пожар". Мы выскочили на улицу и помчались по направлению к цирку. Сухое деревянное здание пылало как факел. Мое горе было безутешным.

Самые светлые, самые добрые, теплые воспоминания моего детства — это цирк. Наш читинский, горячо любимый и взрослыми и ребятами. Яркие огни, красочные афиши, браурная музыка, потрясающие, захватывающие дух трюки. Ежедневно сюда стекались толпы людей. Свободных мест не бывало.

Цирк размещался в большом деревянном здании, в бывшем городском саду. Позже на этом месте раскидывали свой шатер многочисленные цирки шалито. Но я говорю о цирке стационарном, который многие годы был гордостью Читы.

Для меня цирк был вторым домом. Сюда я могла приходить в любое время суток. Особенно радостными были часы репетиций. Необыкновенное, ни с чем не сравнимое чувство

АРЕНА

охватывало меня, когда я вместе с артистами забираюсь на сетку для полетов, батут или трапецию. А потом шла к своим любимым ласковым лошадкам с нежными именами "Ласточка", "Прости", "Зоренька", "Голубка", "Красуля". Ну, а уж если кто-нибудь из артистов перед выходом на арену просил помочь привести в порядок костюм или подать реквизит, тут мое детское сердечко охватывала необыкновенная гордость — я причастна к представлению. За кулисами был особый мир особых людей.

И еще от того далекого детства остался необыкновенно приятный запах сухих опилок, которые толстым слоем укладывались на манеж. Я явственно ощущаю его по сей день.

Как же я стала в цирке своим человеком? Так уж случилось, что большинство цирковых артистов были в большой дружбе с моим отцом — известным читинским провизором. Его в цирке уважали и любили. Он лечил и актеров, и их детей, и животных. Если кто-то заболел, он приходил, ставил диагноз, выписывал рецепт, а

потом готовил лекарство. Так что все функции циркового врача лежали на плечах отца. И так уж повелось, что начало и закрытие очередного сезона торжественно отмечалось в нашем небольшом деревянном домике по улице Костюшко-Григоревича. За столом собиралась почти вся цирковая семья. В те далекие, голодные тридцатые годы артисты делились своим небогатым пайком не только с моими родителями, но и с нашим четверногим другом — доберман-пинчером Алексом.

Я хорошо помню моего доброго интеллигентного человека Феликса Бонно. Он умел все. Был талантливым клоуном и акробатом, участвовал в воздушном полете. Были у него и дрессированные лошади. Мягкий по характеру, он никогда не выходил на манеж с хлыстом и очень задушевно общался со своими любимцами. "Ласточка, — говорил он, обращаясь к одной из своих "артисток", — будь добра, поклонись публике. А ты, Зоренька, покажи, как умеешь танцевать вальс". И этого было достаточно. Его команда выполнялась бес-

прекословно. Однажды мой отец спросил: "Феликс, а почему ты не держишь лошадей на привязи?" Бонно ответил, что однажды был свидетелем страшного пожара в цирке. Тогда было не до животных и все они погибли в огне. Бонно оказался прав. Когда разразился пожар в нашем цирке, все лошади выбежали из огня.

И, конечно же, зрителей привлекали выступления дрессированных хищников. Львы, тигры, леопарды очень бурно проявляют характер и совершенно открыто выражают свое неудовольствие. А вот косолапый действует исподтишка, и дрессировщику чаще всего достается именно от такого "тихони". В нашем цирке было милое семейство бурых медведей — папа, мама и сынок по кличке Топочка. Дело было накануне праздника 8 марта. Наискосок от цирка по улице Профсоюзной в каменном угловом здании (читинцы знают его как обкомовскую гостиницу) тогда находилось женское общежитие. В тот день на кухне было особенно оживленно. Женщины стирали, готовили праздничное угощение. Кто-то завел тесто... Обнаружив, что клетка не за-

перта, Топочка вышел в сад, перемахнул через высокий забор и двинулся к общежитию. Доносившиеся оттуда приятные запахи привлекли внимание медвежонка, и он быстро определил, где можно полакомиться. Увидев непрошеного гостя, женщины подняли визг и бросились врассыпную. Топочка сорвал с веревки белье, отведал жаркое и, наконец, запустил лапу в квашню. Вот за этим-то занятием и застали его прибежавшие на звонок о помощи работники цирка.

...Трудно поверить, что с тех счастливых дней моего детства прошло более 60 лет. Но как интересны и прекрасны были люди, о которых я рассказывала, если и сегодня воспоминания о них согревают душу. Всегда преклоняюсь перед силой, ловкостью, мужеством и бескорыстием актеров этого удивительного и прекрасного искусства. И могу лишь сожалеть о том, что в Чите так и не нашли возможность построить свой собственный постоянный цирк.

Ага Забелина

КОЛЯ, КОЛЯ, НИКОЛАША...

Театр — это источник душевных мук и неведомых радостей. Это любимый ребенок, бессознательно жестокий и наивно прелестный. Он капризно требует всего, и нет сил отказать ему ни в чем. Эти слова гениального Станиславского стали смыслом жизни человека, ради которого так много гостей заполнили зрительный зал Читинского драматического театра. Этот субботний вечер по праву можно назвать большим театральным праздником. И не только коллег по сцене, но и всех читинских театралов. А виновником торжества стал художественный руководитель театра Николай Березин. Бенефис был посвящен и 40-летию Мастера и присуждению высокого звания "Заслуженный дея-

тель искусств России". Вот почему в этот вечер звучали наши добрые и приятные слова, было так много цветов и подарков, и в зале не умолкали аплодисменты.

Первым на сцену поднялся глава администрации области Равиль Генатулин. Он зачитал Указ Президента, вручил почетный знак и приветственный адрес. Обращаясь к залу, Равиль Фаритович сказал: "Сегодня у нас с вами праздник. Ведь не так часто творческие люди удостоиваются столь высокой государственной награды. Мы рады за вас, Николай Алексеевич!"

Режиссером с широким жанровым репертуаром назвал Березина начальник областного управления культуры Александр Раитин. Он отметил, что с его приходом к художественному руководству театр помолодел, сделал шаг вперед.

За спектакли 1991–1992 годов Николай Березин был назван "Человеком года", а за спектакль "Леди Макбет Мценского уезда" удостоен премии "Чита — триумф". Поставленный Березиным спектакль "Вечер"

был выдвинут на соискание Государственной премии. И вот теперь новая заслуженная награда.

Выступающие отмечали не только режиссерский, но и педагогический талант Березина. Вот уже шестой год он преподает в училище культуры. И сегодня многие его ученики стали украшением труппы.

В этот вечер особенно постарались артисты. Они преподнесли своему худруку великолепный подарок — веселый и остроумный капустник, в котором вместе со своими старшими товарищами участвовали и студенты театральной студии. Чего они только не напридумывали! Шуточные частушки, песни, танцы, пародии на спектакли, поставленные Березиным в разное время. И все это делалось в тайне от своего Учителя. Сами были и авторами текста и исполнителями. Все получилось весело, с юмором. Так, что продолжавшееся более трех часов действо, не утомило зрителей.

Иван Коробков

Дороги, что исколесил мой ЗИЛ,
Живут в душе моей
тревожной неподдельной.
Мы пережили с ним немало зим.
Заснеженных, морозных
и метельных.
Но благосклонна к нам была
судьба:
Когда уж я в ее добро не верил,
Вдруг полустанка хмурого изба
Гостеприимно раскрывала двери.
Хозяин уступал мне свой топчан,
Я забывал январский лютый холод.
Мой грузовик под окнами фырчал,
Был куржаком подернут
ватный полотно.
Где он теперь?!

И кто мне выдаст справку,
В том, что живет и ныне в мире он:
Прошел в мартене
огненную плавку,
В КамАЗ или МАЗ
достойно превращен.
Тогда я с ним свиданья не отсрочу:

Я — варяг,
Забайкалье стало
для меня второй
родиной. Печатался
в областных газетах,
альманахе "Сибирь".

Осенним днем
в распахнутом пальто,
В раздумье о былом сосредоточен,
Я на дорожной постою обочине,
А мимо вдаль проносятся авто.

На мосту, где звонкие перила,
Где бежит по камушкам ручей,
Ты зачем, зачем мне говорила,
Что я твой и более — ничей.
А вчера и девки, и старухи,
Как у нас ведется на Руси,
Разнесли по всей округе слухи,
Что с другим сбежала на такси.
В город, где исходят дымом трубы,
Где заказан улицам покой...
Говорила:
— Любый, ты мой, любый!
Любый — да не я, а тот, другой.

Известный
поэт, декабрист-
вед, обществен-
ный деятель Си-
бири. Живет в Ир-
кутске. Многие
страницы судьбы
и творчества
связаны с
Забайкалем.

Марк Серреев

«МЫ — ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ, НАС БУРЕЙ СОРВАЛО...»

В дни раннего детства главным местом моего пребывания была большая комната в дедовском доме, в городе Енакиеве, на Украине. Ранний книголюб, я разбирал на обложке название тетрадей: "Печальные песенки А.Н. Вертинского", "Кокаинетка", "Лиловый негр" — это было непонятно, это были слова не из нашего дворового диалекта, от них веяло тайной и грустью. И вот однажды из Москвы явился поэт и композитор, и исполнитель своих песен Александр Вертинский.

Где Вы теперь?
Кто Вам целует пальцы?
Куда ушел Ваш китайчонок Ли?..
Вы, кажется, потом любил португальца,
А может быть, с малайцем Вы ушли...

Мама вообще любила городские фольклорные романсы, легко запоминала бытовавшие в то время песенки, где звучали сожаления о несостоявшейся и трагической любви, о смерти, а такие мотивы переполняли в начале нашего века книги и журнальные подборки поэтов, репертуар эстрадных певцов.

Уже в наши дни я прочитал у самого Александра Николаевича Вертинского воспоминания о концерте 1917 года в Екатеринославле и нашел то, чего мама могла и не запомнить:

"Последней была песня "То, что я должен сказать". Я уже был в ударе, что называется. В полной боевой готовности. Подождая к краю рампы, я бросал слова, как камни, в публику — яростно, сильно, гневно! Уже ничего нельзя было удержать и остановить во мне... Зал задохнулся, потрясенный и испуганный.

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть
недрожавшей рукой,

Только так беспощадно,
так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!

Осторожные зрители
молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искаженным лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священный

обручальным кольцом.
Закладывали их елками, замесили их грязью
И пошли по домам —

под шумок толковать,
Что пора положить бы уж
конец безобразью,
Что и так уже скоро, мол,

мы начнем голодать.

И никто не додумался

просто стать на колени
И сказать этим мальчикам,
что в бездарной стране

Даже светлые подвиги —
это только ступени
В бесконечные пропасти —

к недоступной Весне!
Иркутск. 1940 год. Мне 14 лет, я
увлечен поэзией серебряного века.
И Александр Вертинский неожиданно
напомнил о себе.

Мчитесь бешеным шаром
и летит в бесконечность,
И смешные букашки облепили его,
Бьются, выются, жужжат
и с расчетом на вечность
Исчезают, как дым, не узнав ничего.
А высоко вверху Время,

старый обманщик,
Как пылинки с цветов,
с них сдувает года...

Замолчи, замолчи,
сумасшедший шарманщик,
Этой песни нам лучше
не знать никогда, никогда!

Мы — осенние листья,
нас бурей сорвало.
Нас все гонят и гонят ветров табуны.
Кто же нас успокоит, бесконечно усталых,
Кто укажет нам путь

в это царство Весны?
Будет это пророк или просто обманщик,
И в какой только рай нас погонят тогда?..
Замолчи, замолчи,

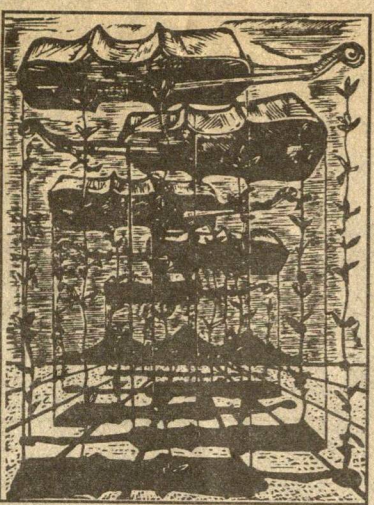
сумасшедший шарманщик,
Эту песню мы не сможем
забыть никогда, никогда!

Я переписал стихотворение на обороте какой-то бухгалтерской накладной — другой бумаги в этой промороженной комнатке не было — и запомнил его, и душа моя содрогнулась от сочувствия.

Пройдет еще два года — и песни Вертинского заполнят нашу жизнь.

1943 год. Я — солдат Забайкальского фронта. Наш начальник штаба Василий Васильевич Маньков, иркутянин, отдаленно знал моего отца. В сорок втором закончилось строительство Иркутской толевой фабрики, которым руководил отец, и теперь Маньков работал в должности директора. Я не думал, что это обстоятельство сыграет со мной приятную неожиданность. Дело в том, что в Штабе нашего отдельного линейного батальона связи не осталось ни клочка бумаги. А каждый день нужно подавать строевую записку, без которой со склада не выдадут продукты в пищеблок, в роты — обмундирование, и воинская часть не будет знать: сколько прибыло в нее в этот

день военнотружеников, сколько убыло. Словом, нужен был хотя бы рулон хоть какой-нибудь бумаги, и его можно было приобрести именно на толевой фабрике в Иркутске, где из тряпок и старых газет варили толстую прочную бумагу. Пропитанная смолой, она становилась дефицитным толом, без которого трудно бы-

ло обустраивать тысячи эвакуированных.

...Нужно было пешком пройти 16 километров до станции Хадабулак, потом доехать до Читы, там пересечь на сквозной, идущий через Иркутск поезд.

Чита меня наградила неожиданностью. Бушевала бесснежная метель, поднятый ветром песок обжигал щеки, оставляя на них алые полосы. Но неподалеку от вокзала я встретил одну из наших студенток, чему был удивлен. Оказывается, родители вызвали ее телеграммой, потому что... Известие меня ошеломило: приехал Александр Вертинский. Вертинский вернулся на родину! Уму непостижимо!

О том, чтобы попасть на концерт, не могло быть и речи. Но я все же спросил: "А нельзя?" — и сам был удивлен своей отвагой: ведь в зале будет все областное и военное начальство, театр будет охраняться усиленным нарядом, даже если бы у меня был билет — придираться было к чему, и попасть, вместо дома, на нары читинской гауптвахты мне ну ни-

как не улыбалось. "Попробуем!" — сказала между тем девушка, Шура. Оказывается, на концерт Вертинского прибыли три моих знакомых студентки, одна из них была дочерью помощника начальника штаба, ей удалось достать пропуск. Вместительный зал Дома офицеров пустовал, но военное начальство не решалось отдать его под концерт Вертинского — "как бы чего не вышло!" — эмигрант, это вроде как бы шпион, вражеский лазутчик, с ним ухо держи востро.

Девочки переодели меня в цивильную одежду, взяли под руки, все в гарнизоне знали их, поэтому беспрепятственно мы прошли в ложу, находящуюся рядом с той, где расположилось начальство — командующий с женой, первый секретарь Обкома партии, кажется, известный потом Воронов и другие. Скромный зал деревянного, позднее сгоревшего драматического театра на улице Бутина был набит битком, в партере поставили дополнительные стулья. Старички, кружевные старушки пришли вспомнить молодость, молодые набивались сюда, чтобы взглянуть на шансонье, голос которого звучал из золотой трубы ангела.

Открылся занавес, на рояле в таялом подсвечнике теплилась свеча. Явился Александр Николаевич — бледный то ли от волнения, то ли от грима. Странно, он показался мне молодым, — высокий, с большими грустными глазами, глубокими залысинами, ну совсем как на портрете на нотных тетрадях моего детства. И только две глубокие морщины, идущие от уголков губ и отделяющие округлый, выступающий подбородок, похожие на две наших солдатских траншеи, выкопанные у подножья безлесой сопки, напоминали о возрасте певца. Долгие годы мне помнилось, что Вертинский начал с песни "Пред ликом Родины", но это многолетнее заблуждение, осечку памяти развеяла недавняя публикация стихотворений Вертинского, под которыми его супруга — Лидия Владимировна — расставила точные даты. "Пред ликом Родины" написано в Москве, через три года после первого концерта по возвращению. Значит, это было, скорее всего, стихотворение "Наше горе", написанное и

положенное на музыку в Шанхае, в 1942 году, незадолго до отъезда в Россию:

Нам осталось очень, очень мало.
Мы не смеем ничего сказать.
Наше поколение сбежало,
Бросило свой дом, семью и мать!
И, пройдя весь ад судьбы превратной,
Растеряв начала и концы,
Мы стучимся к Родине обратно,
Нищие и блудные отцы!
Что мы можем? Слать врагу проклятья?
Из газет бессильно узнавать,
Как идут святыне наши братья
За родную землю умирать?
Что ж нам делать? Посылать подарки?
Песни многослезные сплывать?
Или, как другие, злобно каркать?
Иль какого-то прощенья ждать?
Нет, ни ждать, ни плакать нам не надо!
Надо только думать день и ночь,
Как уйти из собственного ада,
Как и чем нам Родине помочь!

Песня звучала как покаяние, как молитва. Огонек свечи вздрагивал в ритм с музыкой, зал был тих, и аплодисменты зазвучали не сразу. В соседней ложе тоже благосклонно хлопала, не громко, не тихо, в самый раз, — все же, вроде, кается, но кто его разберет? Этой песни на пластинках с золотым ангелом не было. Потом звучали уже знакомые слова и наизусть известные мелодии, но это, казалось, были совсем другие песни, потому что они наполнялись живым свечением души их автора, плетом его необыкновенных рук, точно рисующих тот уголок большого мира, в котором живут пани.

(Публикуется в сокращении).

Фото В. Дианова.

Александр Кононов

старейший забайкальский журналист, в последние годы редактировал газету "Забайкальская магистраль". Известный путешественник по таежным рекам и хребтам, откуда привозит фотографии и очерки.

Забайкальское лето колыхалось в зените. Луг на берегу Ингоды перед устьем Никишихи оттого и был роскошным, что изумрудную зелень набравшего силу разнотравья расцвели сине-желто-бело-сиреневые скатерти цветков. Особенно много было желтого. Как будто кто-то бил здесь яйца гигантских ихтиозавров.

Среди этой ароматной благодати возлежал Василий Григорьевич Никонов, в двух шагах от него расположились Георгий Рудольфович Граубин и Павел Федорович Гамов. Все трое наслаждались отдыхом и занимались несложным и весьма полезным для успокоения нервов делом. Они ждали четвертого из Москвы.

Тройка срывала цветочки и, обрывая лепестки на манер влюбленных, мысленно шептала — "придет, нет не придет..." Таким прозаическим образом шло выяснение судьбы четвертого члена команды — писателя с мировым именем Всеволода Вячеславовича Иванова, который дол-

«В ГОСТЯХ У БАРОНА УНДЕРА»

жен был вот-вот прилететь из столицы.

Так как венчики цветков украшало одинаковое количество лепестков, и если начинать с "придет", то результат у всех троих удивительно совпадал — обязательно придет! Всеволоду Вячеславовичу ничего не оставалось, как незамедлительно явиться на следующий день.

На этот раз туристская компания наметила маршрут по реке Менса. Село Менса, куда было решено долететь по маршруту местной авиалинии, а затем сплавиться на надувных лодках до Чикоя, зажато в цепи гор, раскинувшихся на сотни километров вокруг. Десятки гольцов подпирают небеса в этом краю. Одни названия чего стоят. Есть где разгуляться фантазии литераторов!

Например, если Якушкин Холм и Убур Катанца чуть ниже двух тысяч метров, то Голец-Курепин, горы Са-

ранг, Дуроя-Ула и многие другие значительно выше. Кстати сказать, где вы еще видели "холмы" в два километра высотой!

И еще одна достопримечательность влечет туристов в эти глухоманные края. Село Менса расположено на местности, где четыре реки сходятся почти в одном месте. В

Мензинцы народ приветливый, дружелюбный и очень степенный. Расположившись на берегу гости и хлебосольные хозяева окунулись с головой одни в воспоминания, другие в "оханья" и "аханья" по поводу чудесной местной природы. А когда эта тема иссякла, Всеволод Вячеславович явно прицелом на очеред-

— Что в ваших краях было интересного? Какие события сотрясали воображение?

Попритихли, призадумались хозяева. Если взять самолеты, они когда-то действительно поразили сельчан, некоторых до одури. Но теперь-то кого ими удивишь. Что собака во дворе, что самолет в небе. Все едино. И вдруг один из седовласых вспомнил:

— А у нас в давнишнем, кажись, в двадцатом годе барон Ундер был...

И в последующих расспросах Всеволод Вячеславович снова и снова наткнулся на "Ундера". Иначе барона Унгерна здесь не называли. Ундер — и точка.

Василий Никонов в своей книге "В горах мое сердце" подробно описывает путешествие со Всеволодом Ивановым по Мензе. Но "инцидент" с бароном по известным причинам в то время был им выпущен.

События этим минуло более, чем три десятилетия. Но цепкая память фотографий, можно сказать, мгновенно возвращает к тем далеким временам. На фоне вечно живой природы запечатлены мгновения из судеб этих замечательных людей.

На снимке: встреча с жителями Мензы Всеволодом Ивановым (слева, с книгой в руке), Василием Никоновым (справа второй), Георгием Граубиным (рядом с Никоновым, в берете).

Мензу с запада вливается Батухан, с юга впадает Верх-Кумыр, с востока — Нижний Кумыр.

ной роман или многоглавую повесть раздумчиво вопрошает:

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Ирина Дроздова

ЖЕЛТЫЙ ЛИСТ

Я — Желтый Лист в тебя влюбленный,
Я — Желтый Лист, а ты — Зеленый!
Я — грустной осени примета,
Ты — жизнерадостное лето.
Холодным языком дождя
Со мною лето говорит.
Тебе же солнце бьет в глаза
И легкий ветерок пьянит.
Тебе не страшен дождь и ветер,
А я едва держусь на ветке,
Тебе и ураган не страшен,
Ты — завтрашний, а я — вчерашний.
А опадет листва с ветвей,
Повеет холодом тоски,
Пусть будет в памяти твоей
Тепло протянутой руки.
Вот так проходит жизни круг
И время подводит итог.
Но не жалею меня, мой друг,
Тебе отпущен тот же срок.

Мария Андрилохьева

ВЗРОСЛЕНИЕ

Быть женщиной — великая награда,
Великая отрада и печаль.
Аллеи обложу большого сада,
Листая неизменный календарь.
А дни летят, как в листопаде листья,
И свой полет у каждого хорош.
Я облетевших лет не перечислю,
Оставшихся на ветках мучит дрожь.
Осенний лист — лимонный или рдяный —
Мой остановив взгляд. Его люблю
Размять в ладонях тихо, запах пряный
Как чашу откровенья пригублю.
Не юность нам дарует утешенье,
А зрелых лет наполненный бокал.
Приветствую осеннее мгновение —
В нем жизни и огонь, и карнавал.

Аркадий Ломаев

Писать о природе, о таежных историях начал в молодости. Сначала в письмах жене, потом в экспедиционной стенгазете, в отраслевом журнале "Геодезия и картография". Затем два года на Кубе и — серия очерков об этой прекрасной стране.

я? У меня на ремне через плечо боевой карабин, руки свободны и держатся за ремень карабина, одет в защитного цвета спецовку, вид опрятный, ничем не выдавая ему угрозы. Да я и не думал применять оружие. Зачем? Такая встреча! Такой психологический этюд в таежной глуши! Мой приятель Саня Д. рассказывал, что у него как-то была почти вот такая

лал 2-3 размашистых прыжка и, словно одумавшись и застыдившись своего бегства, пошел неторопливо к дальнему краю поляны и скрылся в таежных зарослях. Особым чутьем он понял, что я ему не опасен и даже ни разу не обернулся.

От всего его вида, движений веяло величием, спокойствием, уверенностью в своем поведении. Зверь таежный явно продемонстрировал свою нравственную силу — поведение настоящего Хозяина таежных дебрей. Он словно бы говорил: "Человек, будь гостем в наших владениях, а мы будем тоже соблюдать этикет вежливости Хозяина". Да, именно Хозяина, с большой буквы.

С тех пор я окончательно усомнился в достоинствах медведя быть хозяином тайги и безо всякой альтернативной кандидатуры вручил этот почетный титул сохатому. Последующие события и таежные встречи полностью подтвердили мой выбор.

Прошло много лет. Но во всех деталях помню я эту удивительную встречу. Разве браконьер или даже охотник, убивший такого обитателя тайги, испытывает радость от встречи с ним? Нет!

Сохатый ушел неторопливо. Я столь же неторопливо, блаженно улыбаясь, побрел к своей лошадке и мы пешочком пошли искать свою путеводную тропку. Мысленно я говорил, покидая волшебную полянку: "Живи и здравствуй, Хозяин тайги!"

ХОЗЯИН ТАЙГИ

Наверное, прочитавший заголовок, скажет: "Ну, опять про медведя". Так уж истари повелось, что именно медведя считают хозяином тайги. Но больше, правда, за грозную силу, хищный нрав. Да, тяжела медвежья лапа, но ведь из хрестоматии начальной школы известна притча, как маленький комаришка одолел грозного великана. А таежники знают немало случаев, когда этот громадный зверь оставляет на таежной тропе вонючие следы расстроенного желудка, постыдно убегаая даже от безоружных людей.

Так правомерно ли величать медведя хозяином тайги, где есть немало других более достойных столь лестного эпитета? Многие сотни километров исходил я по тайге — такая у нас работа. И каких только встреч не было с ее обитателями! И опасные для жизни, и комичные, и печальные. Но были и истинно приятные встречи, как, например, вот эта, изменившая мое представление о хозяине тайги.

...Жаркий летний день! Я возвращался из бригады, выполняющей геодезические работы, на свою базу — таежный участок лесорубов. Кругом на многие десятки километров — ни души. И я — один на один с величественной природой! Зверь таежный в этих местах встречался часто, зверь непуганный, а потому большей частью доверчивый.

Верхом на своей лошадке Симке, не торопясь, следовал по малозаметной в траве тропке, чуть набитой нашими строителями геодезических знаков. Тропка петля-

ла меж деревьев и порослей подлеска. Вокруг — звенящая тишина, даже птицы пережидали знойную жару в своих таежных закутках. Зная способность лошадей самим "вести" тропку, я и не следил за ней. В густом подлеске Симка тропку потеряла, заюлила влево-вправо. Я встрепенулся от тихой задумчивости, огляделся: справа была маршистая долина, значит тропка где-то левее. С седла заметил метрах в 30-40 светлый просвет меж деревьев — лесная поляна. Решил пройтись до нее пешком. Слегка раздвинув молодую поросль я вышел на чистое место и... Прямо передо мной, ну не далее, чем в 6-8 метрах стоял...сохатый. Увидел меня, поднял голову и спокойно смотрит.

Стоп! Далее ни шагу! Видел я таких и раньше, но на расстоянии. А здесь... Вот он, рядом! Могучий красавец! Массивная лоснистая грудь, крупная голова с мощным лбом, настороженные уши, сочные влажные губы, во рту еще не прожеванный пучок травы. И ко всему этому — большие, круглые, карие глаза! А в них — все состояние лесного обитателя — удивление, спокойствие, любопытство. Но ни капли испуга! Стоим друг против друга, не шевелясь. Я и он! Казалось, протяни руку...и он твой! Если бы!!!

Наиболее вероятно, он с удивлением рассматривал непрошеного гостя в своих владениях. И, надо полагать, думал о моих намерениях — со злом или добром заглянул сюда человек. А что же

же — лоб в лоб — встреча с медведем на таежной тропе. У него в поводу лошадь. Так у них у всех поджилки тряслись! Лошадь рвала от страха повод, медведь мотал башкой, а Саня и не подумал об оружии, заорал благим матом, замахал руками и...медведь пустился наутек. Это уже не этюд!

У меня же все проще. Оба встречных оказались миролюбивыми существами. Ну, смотри не смотри друг на друга, а что-то делать надо. Я расплылся в счастливой улыбке и говорю вполне серьезно сохатому: "Ну что будем делать, хозяин тайги?" Поправил ремень карабина и сделал шаг в сторону. Это уже был явный сигнал сохатому для его ответных действий. И тут же я увидел этого таежного красавца во всем его величии. Он молниеносно развернулся, приседая на задние ноги, сде-

С детства за Володькой Филоновым водились странности, оправдывающие его кличку — Филон. Хорошая память и каллиграфический почерк позволяли Филону прилично учиться и быть созерцательным: созерцать школу со стороны, когда вместо уроков шел на реку, где, зачарованный, часами смотрел с высокого берега на текущие воды. Правил он не учил, а по диктантам получал пятерки, за что бивали его завистники. Армию Филон отбыл писарем, а лесоводческий техникум — оформителем стенной газеты и плакатов. Потом работал лесником — созерцателем родных просторов, пока лесничество не проелось. Умерла в городе мать, оставив квартиру. Старший брат выманил Филона в город. А кому в городе нужен лесовод с каллиграфическим почерком?

С высокого балкона открывался дивный вид — на развалы хребтов в щетине тайги. Филон вынес на балкон кресло, читал в нем Евангелие — единственную книгу, найденную в квартире. Смотрел на осенние облака в бездонном забайкальском небе. Не слышал, как приходили брат Николай или его жена Татьяна, приносили картошку, зелень.

— Сидит, подложил под себя ноги! Яйца подложи — все прибудет... — ворчала невестка, роняя на пол тяжелые сумки.

Филон кротко улыбался, виновато взглядывал на нее большими глазами орехового цвета в мохнатых ресницах. Не обижался. Николай конкретнее величал брата — глыбасто-корявый, как из-под топора пьяного плотника, хваткий и разбитной, басил:

— Ярило ты! — и смачно добавлял: — Из Ивановки!

Утайкой от жены совал в карман Филону стотысячную. Лиха Николай не знал: по машинам был первым костоправом в городе.

Братья выкопали картошку, выпили в кухне водки.

— Зачем я тебя сманил? — сокрушался Николай. — Чтобы жить в городе — надо пальцы откусывать, которыми тебе на дверь указывают: выйди, мол, не пыли. А нервы должны быть — буксирный трос. Я здесь — секач шести пудов и сорока лет, а что у меня в кармане — валидол. А ты против меня — подсвинок нежный! Сожрут! Не жилец ты в городе.

В очереди в палату регистрации предпринимателей Филон отстоял полдня. То, что он сначала принял за стук пишущей машинки, оказалось калеными орехами: барышня-щелкунчик консультировала со скоростью автомата, как пустые гильзы сыпалась в ведерко у стола щелуха. Крак, крак, крак...

— Паспорт — крак! — с городской пропиской — крак! — фото! — крак! — три на четыре — крак! — уплатите сбор — крак! — один минимальный оклад — крак!.. Следующий! Крак!

В четырнадцать тридцать, вместо четырнадцати ноль-ноль, открылись двери в полуподвал городского паспортного отдела. Вход брали приступом, не было ни первых, ни последних, только — озлобленные. Пол был скользким от пуговиц.

Через два часа после открытия Филон пробился в кабинет, где принимала паспортистка его

седьмого ЖKK, а еще через час — к стойке, там ему сразу указали на дверь: с внутренней ее стороны висело объявление:

Прописка оформляется после уплаты пошлины.

В ближайшей сберкассе Филон оплатил пошлину. Еще раз прошел через давило к стойке — и напрасно: прежде прописки надо было встать на военный учет.

В военном учете Филону отказали — нет прописки.

сне по мотивам разговора с паспортисткой Филона расстреляли. Как узнала, что живет без прописки в квартире умершей матери, без справки о наследстве — вызвала милицию, взяли Филона в наручники, поставили у стены со словами: "Будешь расстрелян без образования юридического лица!". Филон переживал, что хотел стать предпринимателем без образования лица; если бы с лицом — может и отпустили бы. Правда

ЛИЧНО ПРЕЗИДЕНТУ

Исполненный кротости и смирения, ходил он по очередям, из кабинета в кабинет.

А свои двери по-ивановской простоте открывал всем, не спрашивая, кто там.

Вечером вошли двое, дюжие, в коже.

— Здорово, — говорят, — мужик. У тебя почему глаза коровьи: большие, пушистые и печальные? Филон смутился. Потеснили его в прихожке, осмотрели квартиру. Спросили:

— И откуда ты такой приехал?

— Из Ивановки, — ответил Филон.

— Ой, лихая деревня Ивановка! — откликнулся гость, что побойчее, хотя и второй был не робким: уже сидел за столом, ел нарезанную колбасу. — Повидали лиха там мои родичи, когда ездили шишковать. Упал на них с кедровыми медведями — отец до деревни с колотом бежал, а дядька и за сапогами не стал возвращаться, босиком в город приехал.

— Хорошие были сапоги, — похвалил Филон. — Отчим изнасил.

— А ты дергал бы в Ивановку! — предложил разговорчивый. — За квартирой мы присмотрим. Хочешь, прямо сейчас десять лимонов наличкой дадим? Удивишь ивановцев, как весь крутой завышится.

— Деньги покажите, — попросил Филон.

— В машине деньги, — подал голос молчун.

Филон перешел в комнату, взглянул в окно: нет во дворе никакой машины.

— Обманщики вы, нет у вас денег, — обиделся Филон. Потянул дверь шкафа.

Вместо квартиры выпало гостям заглянуть в темную глубину стволов двенадцатого калибра. Затвердели плечами под кожей курток. Не так ружье напрягло, как глаза, что выше дульных срезов: твердости и цвета каленого ореха, спокойные, кроткие.

— Больше не приходите, — просил Филон. И поучал, провожая: — Надо быть аккуратными. Покупаете квартиру, а денег нет.

Когда ушли, Филон переломил ружье, заглянул в пустые стволы: замахрились пылью. Сел чистить. В ночных снах к Филону приходили прожитые дни и люди. Так во

за регистрацию с лицом надо уплатить десять минимальных окладов, а без лица — всего один оклад.

Шли недели за неделями, кружало ширилось: ЖKK — нотариус — милиция — военкомат — две поездки в Ивановку за справками. В один конец — четыреста километров.

На прием к военкому Филон приходил трижды, а попасть не мог — занят майор. Все звонил и признавался, что у него яйца зеленые. "Заходите посмотреть, — кричал в телефон, — но учтите, что яйца у нас — зеленые!". К майору входили военные, и входило больше, чем выходило. Филон гадал: не яйца-ли майор показывает за деньги?

На следующий день в приемные часы в кабинете пили шампанское за зеленые яйца военкома. Филона, конечно, не пригласили. Сидел на жестком диванчике в приемной, исполненный ожидания. За дверью говорили про какую-то суку из штаба, которую вчера покрывал военком. И про двух сук из танковой бригады, что их тоже надо покрывать. К вечеру Филон понял, что пьют за кобеля военкома, за вязку с которым майор берет долларами.

Заветную укроминку — балкон, откуда видны таежные хребты, занесло снегом. Кресло Филон перенес в квартиру. Набегавшись по городу как собака, вечерами читал Евангелие. Неверяще улыбался. Так хотелось думать, что мама там, в вечном царстве любви и добра, света, который нисходит в погожие дни сквозь высокой лазури забайкальское небо. Ушла на тот свет, за лазурь, потому что оттуда позвали. Отлюбило сердце, выращены сыновья, выпито вино, переделана работа.

Иногда забегал брат: сильный, большой, мрачный, он обзывал Филона ярилой, материл порядки и чиновников.

Перед сном Филон доставал из стола черного хрома папку на молнии. Каллиграфическим почерком так подробно описывал прожитый день, так аккуратно подшивал корешки платежей, даже троллейбусные талончики, что это походило на то, как если бы он сам себя назначил детективом

— следить за собой. И вот готовил отчет.

А засыпая, мечтал, как будет возить дачников, вдохновенных весной и теплом на аграрные подвиги. Пенсионеров — бесплатно, трудящихся и школьников — согласно тарифа.

Капелью расплакались крыши города, когда Филон получил кар-

точку предпринимателя. Вложил ее в черной кожи папку, вынул свои записи. Спросил:

— А кому сдать счет по затратам на регистрацию. К оплате предъявляю пустые хлопоты. Две поездки в Ивановку — посылали, а справки оказались ненужными. Потерянный заработок за четыре месяца, накладные расходы...

Барышня потрясенно смотрела, как Филон раскладывает перед ней аккуратно подшитые справки, железнодорожные билеты, почасовой хронометраж стояния в очередях — месяцы унижений и потерянной жизни. Лицо его было исполнено смирения, а глаза — глубокой кротости.

— Обратитесь в суд, — посоветовала барышня. — Или передайте лично президенту страны — он разберется. Следующий!

Наголодавшись без работы, Филон таксовал днем и ночью, а в междуделье ходил по разным судам, где, вникнув в суть иска, Филона отсылали подальше...еще дальше...совсем далеко — к самому президенту.

Запасся он большим красивым конвертом, почтовой бумагой с вензелями по краю, включил эти затраты в счет иска. Поужинал кефиром с батоном и колбасой, тщательно вымыл руки. Опечаленный, написал своим дивным почерком, где каждая буква — отдельно, крепка, что кедровый орешек.

Господин президент!

Суть иска к Вам изложена в поыснительной записке. Позвольте еще несколько слов.

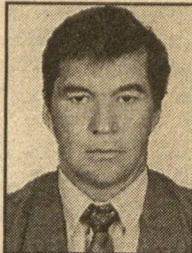
В детстве я убежал с уроков, а потом положил себе жить аккуратно.

Все во мне в смятении. Почему те, кто должны быть за меня, против меня: народные суды, милиция, паспортный стол, военкомат, налоговая инспекция, ГАИ? Какие силы против меня брошены, какие полчища! Они не аккуратны в своих делах, и я не хочу иметь с ними дел вплоть до Вашего ответа, пока Вы не обяжете их быть такими — оплатить мне по иску. А чужого мне не надо.

Ваш Филон из Ивановского лесхоза.

На конверте — еще более красиво — Филон надписал адрес:

Олег Думов

"Москва, Кремль, лично президенту".

Глухой стук штемпеля, которым де-вушка прибила письмо, напомнил Филону похороны мамы, когда какие-то люди забивали гвозди в крышку гроба, готовясь опустить его в могилу.

Дела у Филона заладились. По утрам развозил лоточников, вечерами — собирал. Днем справлял продуктовые извозы — его щепетильная обязательность способствовала популярности у торговцев.

А у Николая банки с рассадой капусты из рук посыпались, когда взглянул на автобус, поданный Филоном к подъезду. Выкрашенный пламенной яркости эмалью, он был пригожим как пасхальное яйцо. Николай, с непроходящим изумлением обошел машину: ухожена, обута в новую резину повышенной проходимости, движок — тики-тики — шепчет. Заглянул под капот — волговский стоит!

— Скорая роскошь — налоги не платишь? — обеспокоился Николай.

Филон укладывал садовый инструмент, ящики с рассадой. В глазах мечтательный свет — как сегодня будут делать гряды, пить чай на веранде. Смирно ответил брату:

— Не пришел еще срок — платить налоги.

— Да ты!.. — Николай слов не находил от удивления. — Утаил с доходов уже в два раза больше, чем тебе по иску должны!

— Оно бы так, — согласился Филон, — да только как получил свои первые деньги, сразу пошел за квартиру платить — мне пени начислили: задолжал. Справедливо. Я тоже счетчик включил по своему иску — щелкает...

— Кому включил? — потрясенно спросил Николай.

— Президенту... Не отвечает на мое письмо.

Николай с каким-то благоговением взглянул на брата, признался:

— А ведь я тогда хотел все устроить с оформлением — за неделю бы твои бумаги сделали. Потом думаю: что легко дается — то легко отнимается. Вот как им досталось! — обличил он непонятно кого свистящим от злости шепотом. — Мамин вклад обесценили — четыре тысячи! А она их всю жизнь копила для нас с тобой. Я хотел оформить, как наследство: мне в банке мурло пять мятых тысяч из кармана дает и наказывает охранникам; чтоб я больше не проходил. А я и не проходил — внизу его подождал, три раза стукнул головой об капот... Не знаю, кто ему голову правил, а машину ко мне через день пригнали — вмятину выровнять. Я миллион с них выдрал, капот поднял, ладонью снизу стукнул — нет вмятины. Вот уроды!

— Во гневе живешь — посадишь сердце, — предостерег Филон брата, усаживаясь на водительское место. — А все потому, что смирения нет. — И, сожалеюще взглянув на Николая, заключил: — Ярило ты из Ивановки!

Елена Уманцова

В нынешнем году окончила Санкт-Петербургскую академию им. И. Репина. Зам. директора по науке Читинского областного художественного музея.

И как бы в противовес объективному и жизнеутверждающему Орлову встают пейзажи Ван Вэй Цзя, китаец по национальности, более десяти лет живущего в Забайкалье, и своим творчеством доказавшего, что для настоящего художника нет и географических границ, что искусство — это вневременная ценность. С ис-

нах нет лишних деталей или предметов, в них выверен каждый сантиметр живописной поверхности. Чистота цвета, подкрепленная чистотой души творца, влечет зрителя, заставляя пофантазировать, взглянуть на себя, в мир, в жизнь.

...На вечернем небосводе над вершинами холодных гор зажглась

ВЕРНИСАЖ

НАЧАЛО

Последний день октября преподнес читинцам неожиданный сюрприз. В старинном доме по ул. Бутина, 113, украшенном ажурной резьбой, открылась художественная галерея. Инициаторами ее создания стали читинские художники, члены местного отделения Союза художников России. Благодаря поддержке Р.Ф. Гениатулина в бытность его главой администрации города Читы, группа художников получила в пользование это здание. Отреставрированное и переоборудованное, оно превратилось в прекрасное обиталище муз.

Не случайно и название выбрано "Калипсо" — по имени древнегреческой нимфы — божественного олицетворения сил природы, хранительницы ее плодородия, источников жизни. Они самые популярнейшие персонажи античного и европейского изобразительного искусства.

На Огигии Калипсо живет среди прекрасной природы, в гроте, увитом виноградными лозами. Еще древний философ Порфирий в своем трактате "О пещере нимф" писал о местах пребывания нимф, как символическом сосредоточии могучих сил Космоса. Она, как и все нимфы, занимается обычным женским трудом — прялет и тклет. Умелая ткачиха, она ежедневно стоит у станка в прозрачном серебряном одеянии. Для любимого мужчины Калипсо приготовила чудесную одежду в надежде сохранить в нем любовь, но тот, покинув остров, моментально сорвал ее с себя, как бы освобождаясь от пут или любовных чар нимфы.

Создатели же галереи надеются, что сумеют завладеть душами своих зрителей. Поэтому, в планах галереи разнообразные выставки: групповые и персональные, гостей из других городов и стран и собственные вернисажи в сибирских центрах культуры, да и за рубежом.

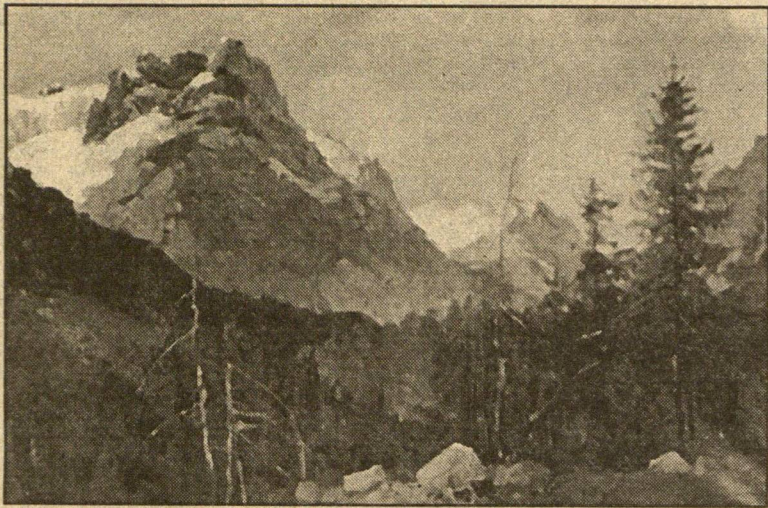
В конце ноября галерея встречала гостей — приехал из Иркутска поэт, архитектор, художник, владелец широкоизвестной на Байкале галереи Владимир Пламеневский. Такие встречи с творческой интеллигенцией также в планах галереи.

На торжественном открытии галереи было много гостей и друзей. В первую экспозицию вошли работы заслуженного художника России Владимира Форова, Николая Орлова, Вячеслава Скроминского, Ван Вэй Цзя и Игоря Елисея. У каждого из них свое творческое лицо и манера письма, но объединяет их желание и умение работать, творить, создавать свой неповторимый, художественный мир, гармоничный и хрупкий.

За месяц работы в галерее появились и свои постоянные посетители и, что очень важно для художников, свои покупатели. И хотя цены на произведения искусства здесь не такие уж низкие, настоящие ценители прекрасного находят.

Вырученные средства идут не только художникам. Ведь чтобы существовало это замечательное учреждение, нужно еще многое сделать. Отреставрирована лишь часть здания, отсутствует необходимое оборудование, мебель. А чего стоит ежемесячная плата за свет, тепло, телефон... Да и близлежащая территория ждет своего ухода. На первых порах значительный вклад был сделан Ван Вэй Цзя, китаец по происхождению, читинцем по духу и месту жительства, членом Союза художников России, а для галереи и меценатом. Многие в галерее художники делали своими руками, но больше сделать еще предстоит.

СВЕТЛЫЕ МЕЛОДИИ СЕВЕРА

Николай Орлов

В горах Кодара

Коренной забайкалец, отец четверых детей, для хорошей компании любит петь под собственный аккомпанемент на баяне, к 40 годам осознавший, что главное его предназначение на земле — живопись.

Ван Вэй Цзя

Ночная симфония

Китаец по происхождению, россиянин по паспорту, русский по широте души. Любит горы, жену Аньоту и всегда сам готовит пиццу для семьи.

Вячеслав Скроминский

Горы Кодара

Живописец по образованию, собиратель старины по увлечению, на деле строитель "воздушных замков" изо льда, для которого самое ценное на земле — дружба.

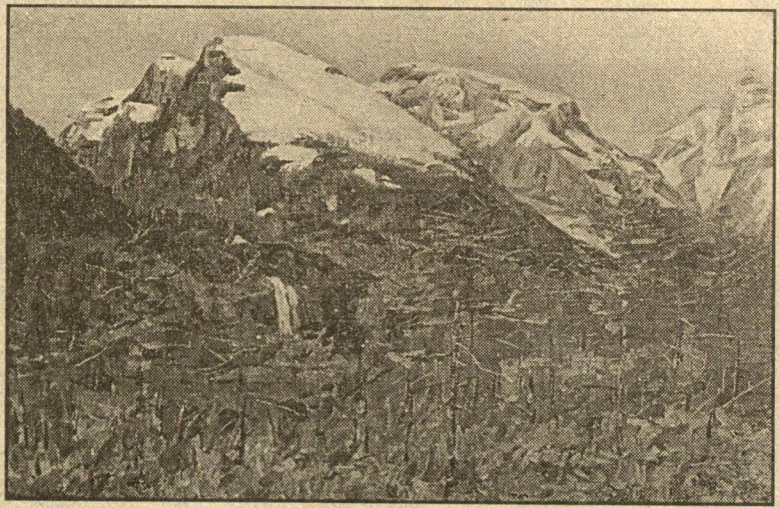

Владимир Форов

Ранний снег на Кодаре

Заслуженный художник России, давно заслуживший у народа звание "ум, честь и совесть" читинских художников. Больше всех из женщин любит Ее Величество Природу.

жать реалистические традиции русского искусства XIX века в творчестве художника конца XX в.

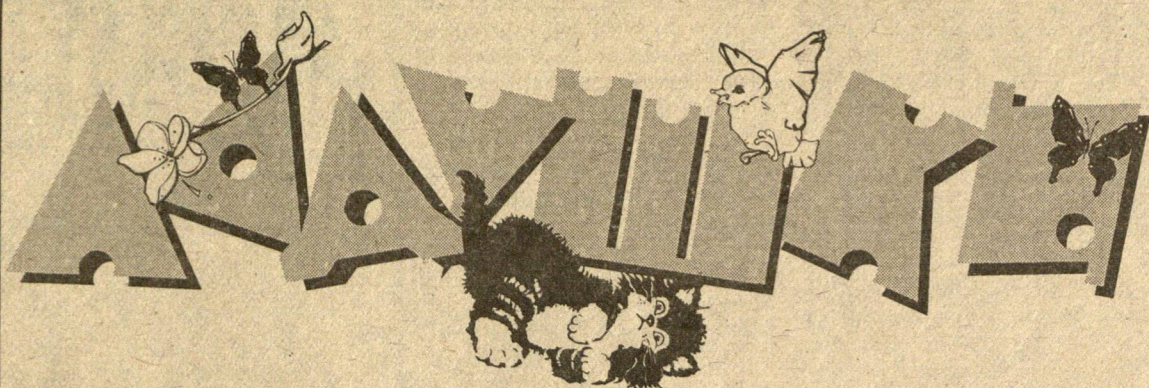
тинно восточной мудростью Ван Вэй творит свой мир, в котором ведет неторопливый и немногословный рассказ о Мире. Его композиции всегда отточены и лаконичны. В его полот-

первая звезда. И в целом мире кроме Вас и ее — ни души. Поверьте ей и доверьтесь, она поведет Вас дорогой дружбы, верности и красоты.

ЧИТА литературная

Лариса Семидова

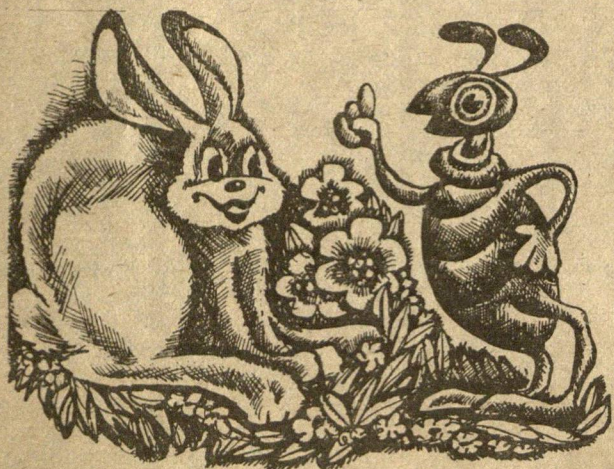
Белых дней круговорот,
Тихо падают снежинки.
У осинových ворот
Снега чистые искринки.
Ни души. И месяц ясный
Все глядит издали,
И видна в туманной дымке
Чуть замерзшая река.

МУРВЕЙКА И ЗАЯЦ ПУШАСТИК

Однажды Мурвейка нашел хорошую сосновую иголку. Он поднял ее на плечо и понес домой, к своему муравейнику. А дорога была длин-

ная-предлинная. Она то поднималась на солнечную горку, то спускалась вниз, на зеленую лужайку. Что-

бы быстрее пройти, Мурвейка стал сочинять и напевать песенку:

Иду-иду под горочку.

Несу-несу иголку.

Пусть скажет мне отец:

"Мурвейка — молодец!"

А тут выбежал навстречу заяц Пушастик.

— Эй-эй! — крикнул он. —

Здравствуй!

— Здравствуй, Пушастик, — обрадовался Мурвейка.

— Что это ты несешь? — удивился Пушастик, разглядывая хорошую сосновую иголку.

— Это большое хорошее бревно на крышу для муравейника. Видишь, какое крепкое, — похвастался Мурвейка и постучал лапкой по сосновой иголке.

— Давай, я тебе помогу довести его до дому. Сядь мне на спину вместе с иголкой.

— Ага, мне не подняться. Высоко.

— А так поднимешься? — сказал Пушастик и опустил одно длинное ухо на землю. — Шагай наверх!

— Как по трапу в самолет, — засмеялся Мурвейка и быстро поднялся на спину друга.

Михаил Вишняков

Пушастик был самым быстрым бегуном среди друзей Мурвейки. Скок-поскок-перескок на пенек да за кусток, да прыжок через лужок и — приехали, дружок! Опустил Пушастик свое длинное ухо на землю и Мурвейка, как с горки, скатился прямо к крыльцу.

— Хорошо тебе, — сказал Мурвейка Пушастике. — Далеко-далеко можешь бегать, до самых синих гор.

— Хорошо-то хорошо, — согласился Пушастик, — Но у тебя есть свой муравейник, а у меня своего зайчатника нет. Не умею строить. Все время бегу по лесу, прячусь от волков. Ночью под кустом. Не выспаться.

— А ты ложись спать у нашего муравейника. Если волк придет, я тебя разбужу, и ты убежишь.

Согласился Пушастик. Спрятается за муравейник, его и не видно. Спит спокойно, даже усами во сне шевелит. Любый волк думает, что это травинки возле муравейника качаются...

МУРАВЕЙ МУРВЕЙКА И ДЯТЕЛ-СПЯТИЛ

Жили-были в лесу муравей Мурвейка и дятел Спятил. Мурвейка много работал: бегал туда-сюда, таскал травинки, сторожил муравейник. Дятел Спятил тоже трудился, он будил утром зверей и птиц громким криком. Но они спростонь сердились на дятла и ругали его:

— Эх ты, дятел Спятил! Поспать не даешь.

Однажды в морозное утро дятел Спятил так громко кричал на весь лес, что простудил горло. Прилетел к другу Мурвейке за советом — как быть? Завтра солнце взойдет, надо лес будить, а голос охрип.

— Стучи клювом по деревьям, — посоветовал Мурвейка.

— Как? — удивился дятел Спятил.

— Вот так: тра-та-та, тра-та-та! — сказал Мурвейка и постучал носом по березовой веточке.

— Тихо стучишь, никто не услышит, — возразил дятел Спятил.

— У меня нос маленький, у тебя — большой. От большого носа большой и громкий стук будет, — успокоил друга Мурвейка.

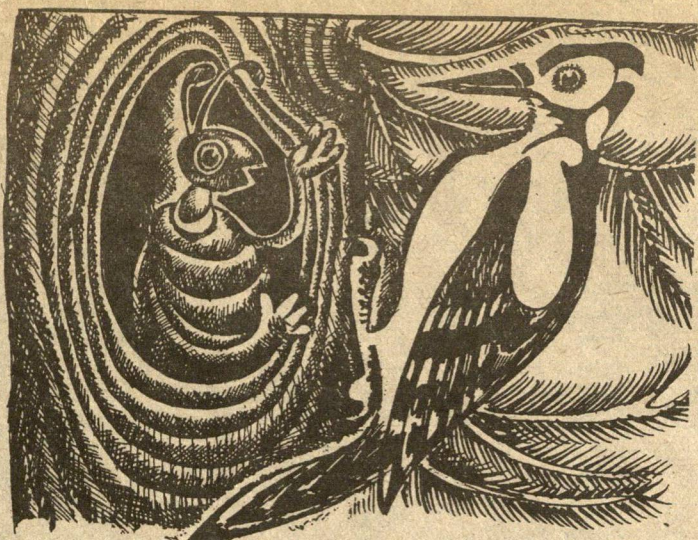
С той поры дятел Спятил перестал кричать и простужать горло. Утром он садится на большое дерево и стучит большим носом:

Тра-та-та, тра-та-та!

Просыпайся, брата-та!

Звери и птицы просыпаются, никто никуда не опаздывает и все говорят:

— Доброе утро, Дятельство Ваше Сиятельство!

Дяденьки-Ладушки!
Вчера я сочинил стихи про наш класс. Люблю, чтоб напечатали. Называются стихи "Наш класс".

Мороз Мамонтов

НАШ КЛАСС

Наш Витя — хорошистик.

Наш Коля — отличник.

А Миша — успешник.

А Гриша — прекрасник.

Есть Саша — ушастик.

Есть Слава — глазастик.

Сережка — дразнильщик.

И Костик — смешильщик.

А Вася — ударник.

И по носу дальник.

В ответ получальник

портфелем в ухальник.

Лишь Маша — болельщица,

его пожалельщица!

Но все понарошник.

Ведь класс наш — хорошистик!

Кетская сказка

МЕДВЕЖЬЯ СЕСТРА

Жил был старик. И была у него дочка. А кроме дочки старик растил медвежонка. Девочка и медвежонок все время играли вместе, словно сестренка с братишкой.

Но вот прошло время. Выросла девушка. Стала красавицей.

Пришла пора, и старик отдал дочку замуж. Ушла она к мужу в чужое стойбище. Но не долго она была счастлива. Умер муж. А его родственники ей сказали:

— И на что нужна нам чужая женщина?! Они увели ее в лес. Выкопали глубокую яму и бросили ее туда, засыпали землей.

А тем временем медведь почуял, что что-то приключилось с его сестрой и убежал в лес от старика. Он нашел могилу сестры и разрыл. Женщина была еще жива.

Вытащил медведь сестру из ямы. Увел ее в тайгу. И стали они вместе жить. Он ходил на охоту, добывал дичь, кормил сестру.

Так прошла зима. Уже наступила весна.

Однажды медведь увидел на реке ветку, плыл на ней отец этой женщины. Он узнал его.

Долго не думая, медведь решил спасти свою сестренку. Он вывел сестренку на берег реки.

Отец увидел свою дочь. Обрадовался. Забрал ее с собой.

Потому и уважают медведя за его справедливость.

Сказку рассказала
А.В. БЕРДНИКОВА.

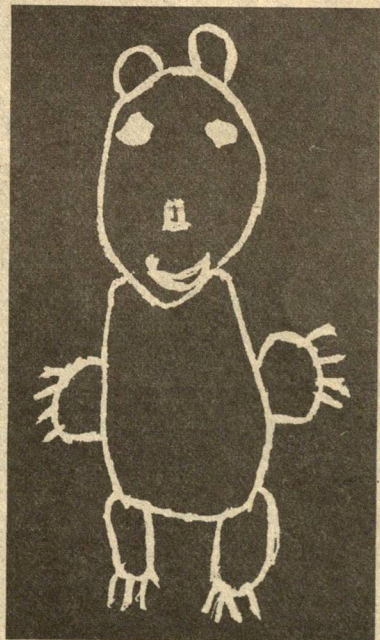

Рисунок Танечки Леяковой, 4 года.

Откаталось лето
по тропинкам.

Отзвенел
серебряный звонок.

Старый друг,
в резиновых ботинках,
Ты замерз под снегом
и продрог.

Ничего, дружок,
не вешай носа.

Еще будет лето и тепло.

Повернутся к солнышку
колеса,

Пишкнет ниппель:
— Вот так повезло!

Валентина Трухина

Еж листочки собирал,
В свой домишко их таскал.
Этот — коврик на стене,
Этот — скатерть на столе,
Вот дорожка на полу,
А постель — она в углу,
Здесь помягче надо стлать,
Тут сыночек будет спать...
Мать с ежонком в дом вошла
И была удивлена.
Вот так папа! Вот так еж!
До чего ж наш дом хорош!

Тихо в лес зима вошла,
Тайно выюги принесла,
Разметала их рукой,
Понеслись они толпой.
Испугалась елочка,
Спрятала иголки.
Если ветер их сорвет,
Как встречать ей Новый год!
Не спасти бы елочке
Хрупкие иголки,

Да, спасибо, Дед Мороз
Шубу теплую принес.
Шубка елочке к лицу,
Ей не холодно в лесу.
Пусть метель теперь метет,
Елка в гости к нам придет.

ПЕСЕНКА
НА КАЧЕЛЯХ

Ну пока!
Ну пока!
Полетели в облака.
Страшно.
Ха-ха-ха!
Ха-ха-ха!
Вот и сели в облака.
Мягко.
Посидим,
Поглядим,
Да обратно полетим.
Славно.
Чепуха,
Чепуха,
Что набили мы бока.
Больно.
Но мы довольны.

ЧИТА литературная

Виктор Мухин

— директор детской музыкальной школы в поселке Ново-Орловский, автор поэмы "Лохти Тоорон" (моя душа), опубликованной в 1994 году в газете "Агинская правда".

В который раз перебираю иллюстрации к своему сборнику стихотворений. Подготовленный к выпуску год с лишним назад, он так и не издан за неимением средств. Каждую миниатюру подолгу разглядываю и, удивительно, занятие это не надоедает, скорее, наоборот, каждый раз доставляет удовольствие. Лично для себя я давным-давно сделал вывод: талантливое — будь то музыка, поэзия, живо-

Павлуцкого, он перенял у них необычайную аккуратность, терпение и трудолюбие.

С тех пор прошло ни много, ни мало — какой-то десяток лет.

И вот мы вместе сидим в тесной его квартире, говорим о мелочах жизни и тяготах, какие переживаем каждодневно...

Кормилец-горнообогатительный комбинат уж года два не работает, а за окном, как ни в чем не бывало, и на прежнем месте возвышается Сокто-Уула (Огненная гора), священная, воспетая в

лены стенды в залах музея Орловского ГОКа. О них, об этих замечательных тружениках горнодобывающей промышленности, об учителях, врачах, о геологах-первопроходцах рассказывают фотографии и экспонаты. Сколько сил и драгоценного времени потрачено художником на оформление экспозиции музея.

Все бы ничего, только народ, занятый теперь добыванием куска хлеба, все реже и реже захватывает поглядеть на то, каким образом свершали трудовые подвиги их земляки.

Саша о содеянном не жалеет. Ведь для художника, делающего в творчестве первые робкие шаги, работа такого масштаба — колоссальная практика.

Я частенько бываю в его квартире-мастерской и для меня каждое творческое начинание художника — не новость.

Не новость для меня и то обстоятельство, что с некоторых пор одну из стен мастерской почти целиком заняли куклы для будущего кукольного театра. Они живыми, выразительными глазками смотрят на пришельца то с надеждой, то вопросительно. А нам, людям, к сожалению, сегодня нечего сказать им в ответ. Их каверзные вопросы разрешит разве что время?

Кукольный театр — давняя мечта Александра Николаевича. "Хочу театр, да чтоб на уровне областного, в настоящем просторном зале! Театр с настоящими куклами, с чудесными актерами — кукловодами, с декорациями, с музыкой и со световыми эффектами".

Вот такая мечта!

Саша с утра пораньше и до позднего вечера весь в работе. Рушит старые простенки и возводит новые, закупает на нищенскую свою зарплату (работает он руководителем кружка в местном доме детского творчества) материалы, рубит, режет, пилит, красит, клеит, утепляет в холодном здании окна и делает еще многомного работы, необходимой, кажется, только ему одному.

И, за всей этой суетой, видится ему роскошный зал, переполненный зрителями, слышатся восторженные возгласы детворы, шквал аплодисментов.

Да мало ли что еще может увидеть и услышать увлеченный работой человек?

Я изложил лишь три момента из жизни никому не известного художника из Новоорловского.

В триаде этой нет ни одной веселой части. Все они преисполнены грусти. Но, пожалуй, самая печальная из них история о веселом кукольном театре, строящемся в умирающем городе. О театре, в репертуар которого пока что входит лишь один единственный жизненный спектакль, а действующие лица и исполнители все в одном лице. В лице энтузиаста, чудака Александра Николаевича Федотова.

Пожелаем ему удачи в жизни и творчестве.

ДРЕБЕЗМ

Борис Макаров

ПИТЬ ИЛИ НЕ ПИТЬ (вот в чем вопрос)

Статья языковеда М.Е. Вишнякова, опубликованная в июльском номере "Читы литературной", не могла не всколыхнуть ученую, а также не очень, общественность нашего древнего хун-нуйского края.

Отнеся себя к достаточно крупным топонимистам Дульдургинского, Ононского, Акшинского, а также Кыринского районов, автор этих строк скрупулезно изучил классический труд знатока кертского письма, ассирийской клинописи, египетских иероглифов, санскритской вязи, рунического и ярманского письма, сумевшего в домашних условиях воссоздать активно действующий котел Элитека, пришел к выводу, что открытие М.Е. Вишнякова — ключ к новым, достаточно крупным интеллектуальным сдвигам. Полагаю, что для более глубокого развития идей, заложенных вышеизмененным исследователем в работе "Чита или Чата?", необходимо открыть новый Чатинский институт.

Тем не менее, отдавая должное чатоведу, ваш покорный слуга пришел к выводу о том, что в труде М.Е.В. имеются упущения и неточности.

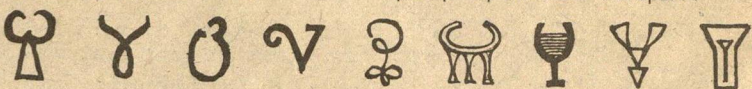
Так, например, неправомерно произведен отрыв буквы Ч от слога ЧА. На мой взгляд, слог этот неделим. Он сохранился в названиях многих населенных мест Забайкалья: Ула-ЧА, Таке-ЧА, Мого-ЧА., в словах ЧА-пыжник, ЧА-ща, в названии известного всем кавказского пьянящего напитка ЧА-ча.

Мои этимологические трехмесячные исследования показали, что много веков назад к верховному вождю Элитеку (пра-пра-прадеду Антиллы) попиравать, попить ЧАТЫ-ЧАЧИ и поволоЧАТЬся за "девЧАтами" съезжались и сходились тысячи людей из самых отдаленных мест.

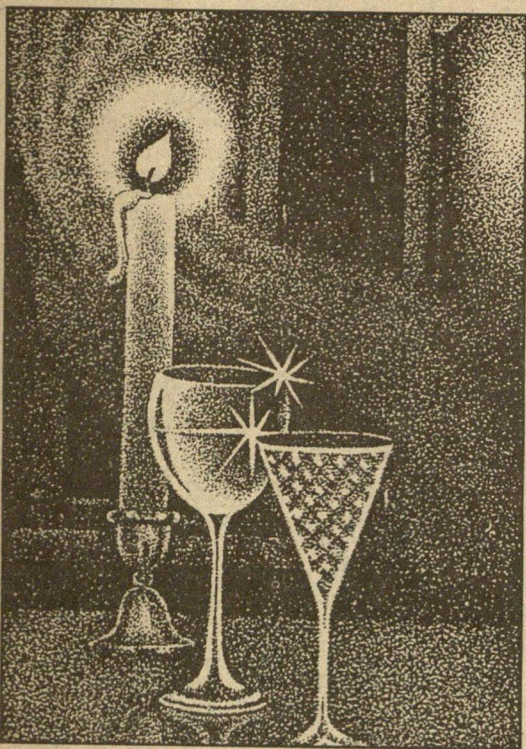
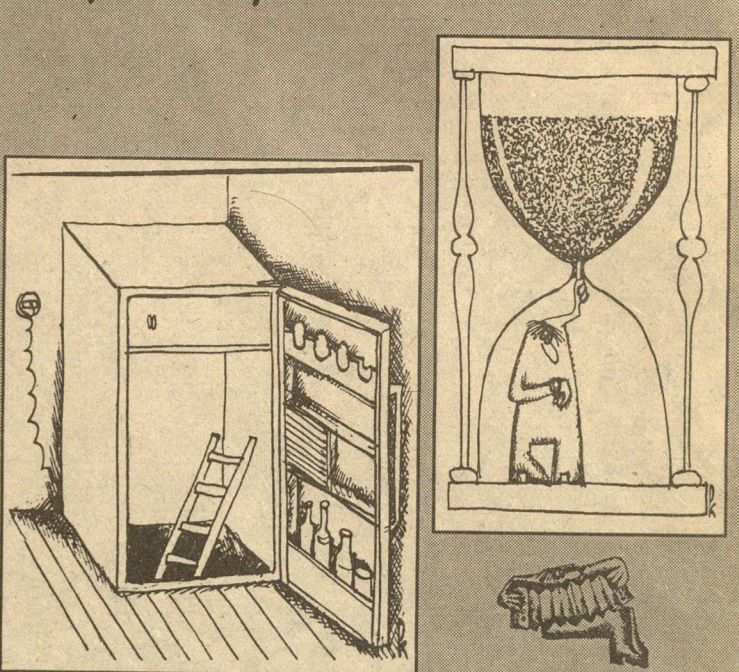
С развитием торгово-рыночных отношений поставщики ЧАТЫ-ЧАЧИ уже не стали ждать покупателей, а начали "передавать" свои товары поближе к потребителям. Отсюда названия мест МогоЧА (много чаты-чачи) УргуЧАН (последний слог указывает на то, что там был установлен чан для производства хмельного напитка), Чиндалей (чан долей). Здесь кроются корни слов чиновник (в древнем произношении — чановник, т.е. сидящий у чана и разливающий...).

Ценность и значение исследования М.Е. Вишнякова трудно оценить, а тем более переоценить. Предлагаю увековечить имя уЧАного: назвать новый ЧАтинский институт именем Михаила Евсеи-ЧА. На этикетках с продукцией ЧЛВЗ изображать портрет М.Е. Вишнякова без бороды, дабы покупатели не путали ее с "распутинской".

Свое имя достойного продолжателя учения М.Е. Вишнякова, предлагаю увековечить в слове "Макарыч", которое следует заменить более распространенным "магарыч".

Рюрик Карасевич

сказаниях и в легендах бурятским народом. Я помню ее с тех времен, когда вершина горы была почти не тронута человеком труда. И теперь на ней царит запустение: ни людей, ни работающих механизмов, лишь огромных размеров каменные отвалы поро-

роды напоминают о бурной человеческой деятельности в недавнем прошлом.

И поселок горняков, на первый взгляд, тоже стоит на месте. Однако в нем три пятиэтажных дома зияют пустыми глазницами окон, а жильцы разъезжаются кто куда в поисках лучшей доли. А тем, кому некуда ехать остаются зимовать в "Умирающем городе".

Именно о людях, уезжающих и остающихся здесь, в Орловке, руками художника Федотова Александра Николаевича оформ-

«ЧИТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ»

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 3-90-08, 3-88-16

Выходит один раз в месяц.

Зак. № 1306
ТИР. 1000

Набор и верстка
АО СТС г. Чита.

Печать в обл. типографии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Леонид Аверьянов,
Николай Березин,
Михаил Вишняков,
Георгий Граубин,
Евгений Куренной,
Юрий Круглов,

Михаил Константинов,
Рюрик Карасевич,
Эдвард Макаровский,
Евгений Минашкин,
Федор Машечко,
Игорь Портнягин,
Вячеслав Толкалин